

Фельетонъ „Одес. Новостей“

17-го мая 1900 года.

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБЗРѢНІЕ

Русское Богатство и Русская Мысль,
— апрѣль.

Самой значительной и интересной статьей обихъ книжекъ является „Кое что о г. Чеховѣ“ Н. К. Михайловскаго въ „Р. Б.“ Въ этомъ „кво-что“ сказано очень много и, безъ преувеличенія, гораздо больше, чѣмъ за послѣдніе годы о г. Чеховѣ во всей нашей литературѣ. И еще разъ на этомъ прилѣгъ мы убѣждаемся, что настоящую оцѣнку новыхъ талантовъ и заправскую литературную критику намъ не откуда взять, кромѣ старыхъ источниковъ, и что въ 41 году своей литературной дѣятельности нашъ знаменитый публицистъ уиѣтъ стать на высоту современнаго пониманія художественныхъ твореній. Правда, въ основныхъ своихъ взглядахъ на особенности творчества г. Чехова онъ, остается непоколебимымъ и по прежнему утверждаетъ, что у этого писателя нѣтъ „цѣльнаго, большого зеркала, въ которомъ отразилась-бы вся жизнь цѣликомъ или хоть значительная доля ея“. Это дастъ поводъ нѣмъ причать на весь міръ, что Михайловскій отрицаетъ Чехова, унижаетъ его талантъ, уменьшаетъ его заслуги и еще многое такое. Но едва ли нужно доказывать тутъ, что именно онъ одинъ изъ первыхъ съ надлежающею ясностью и убѣдительною указалъ г. Чехову то большое мѣсто въ литературѣ, которое принадлежитъ ему по праву первокласснаго художественнаго таланта, а также рѣзко очертилъ тѣ общественно-литературныя требованія, которыя могутъ быть предъявлены публицистической критикѣ къ такому крупному, хотя еще и не установившемуся, дарованію. Прошли годы, и критикъ не безъ гордости можетъ отмѣтить, что и оцѣнка его въ общемъ была вѣрна, и предъявленные имъ требованія отчасти оправдались. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда ли-

тературная индивидуальность г. Чехова казалась критику еще не опредѣлившейся, онъ считалъ характерными для послѣдней слова героя изъ „Скудной исторіи“: „Сколько-бы я ни думалъ и куда-бы ни разбрасывался мои мысли, для меня ясно, что въ моихъ желаніяхъ нѣтъ ничего главнаго, чего-то очень важнаго... Каждое чувство и каждая мысль живутъ во мнѣ особнякомъ, и во всѣхъ моихъ сужденіяхъ о наукѣ, театрѣ, литературѣ, ученикахъ, и во всѣхъ картинахъ, которыя рисуетъ мое воображеніе, даже самый искусный аналитикъ не найдетъ того, что называется общей идеей или богомъ живого человѣка. А коли нѣтъ этого, то, значитъ, нѣтъ и ничего“. Тогда-же г. Михайловскій выразилъ пожеланіе, чтобы г. Чеховъ, если ужъ ему не суждено имѣть этой „общей идеи или бога живого человѣка“, сталъ хоть „цѣломъ тоски по этому богу“. „Мое желаніе, — говоритъ нынче нашъ критикъ, — исполнилось, но крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что дѣйствительность, когда-то настраивавшая г. Чехова въ благодушно веселый ладъ, а нѣтъ ставшая предметомъ безразличнаго воспроизведенія въ безчисленныхъ зеркальныхъ осколкахъ, вымываетъ въ немъ нѣмъ несравненно болѣе сложныя и несравненно болѣе опредѣленныя чувства“.

Читатель не потребуетъ отъ насъ болѣе подробнаго ознакомленія съ данною характеристикой писательской дѣятельности г. Чехова во времени и съ намѣченными г. Михайловскимъ переходными пунктами, по которымъ прошла ея эволюція отъ нисанія на „благодушно веселый ладъ“, черезъ „безразличное воспроизведеніе въ безчисленныхъ зеркальныхъ осколкахъ“, до „широко задуманнаго и превосходно исполненнаго разсказа „Въ оврагѣ“. Отмѣтимъ еще только очень мѣлкую и интересную общественную характеристику того періода (приблизительно, послѣднихъ 15 лѣтъ), къ которому относится начало и все теченіе литературной жизни г. Чехова. Изъ нея видно, какой большой и самобытный талантъ нужно было имѣть, чтобы, подобно г. Чехову, остаться самимъ собой до конца и не поддаваться влияніямъ различныхъ модныхъ и временныхъ теченій какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ. Вотъ на этой послѣд-

ней чертѣ мы остановились и невольно вернемся къ напечатанной г. Михайловскимъ эволюціи чеховскаго творчества.

„Кое что о г. Чеховѣ“ написано по поводу сборника „Разсказы“ его, изданныхъ Марксомъ. Г. Михайловскій видитъ въ нихъ „первую манеру“ г. Чехова, именно, тотъ фазисъ его литературнаго развитія, когда онъ „высокоодаровитый, съ огромнымъ запасомъ свѣжаго, молодого юмора... съѣлъ у житейскаго моря и... ждалъ погоды, даже не думая о ней, а беззаботно выуживалъ изъ моря, что попадется, распылывая выуженное блестящими фантазіями. И что ни выудить, — то пошлость“. Въ „Разсказахъ“ г. Михайловскій видитъ забавные и добродушно-веселые анекдоты, хотя сюжеты ихъ „сплошь и рядомъ глубоко драматичны“. Только въ разсказѣ „Мужъ“ онъ видитъ глубокое содержаніе и симптомы того болѣе серьезнаго настроенія, которое сказало въ позднѣйшихъ произведеніяхъ г. Чехова.

Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ этихъ „Разсказовъ“ мы нѣтъ случай говорить о нихъ подробно на этихъ же столбцахъ. По обстоятельствамъ времени намъ пришлось сразу перескочить отъ этой „первой манеры“ нашего писателя къ „последнему слову“ въ послѣднемъ произведеніи его „Въ оврагѣ“, пропустивъ многія промежуточные ступени. И однако же намъ удалось найти между ними несомнѣнные связующія звенья даже съ такимъ огромнымъ пропускомъ и обнаружить въ этихъ ситишнихъ, забавныхъ и веселыхъ анекдотахъ не только „сплошную“ драматичность сюжетовъ, но и всѣ признаки того оригинальнаго творчества, которое впоследствии развернулось съ болѣе глубокимъ захватомъ тѣхъ-же темъ и сюжетовъ. Намъ кажется, что и въ первыхъ своихъ ситихотворныхъ разсказахъ и въ позднѣйшихъ, болѣе солидныхъ, своихъ произведеніяхъ г. Чеховъ одинаково не просто „выуживаетъ пошлость“ изъ „житейскаго моря“, а совершенно своеобразно, въ непремѣнномъ сочетаніи этой пошлости съ продуктами ея впадѣній, съ извлеченіемъ необычайно тяжелаго и крайне уродливаго опустошенія человѣческой души, какъ непосредственный порожденіемъ дряхлѣе пошлости. На-

чиная съ этихъ сатирическихъ напѣвѣ, разсыпанныхъ въ новопечатанномъ сборникѣ и кончая болѣе крупными произведеніями, какъ — „Человѣкъ въ футлярѣ“, „Крыжовникъ“ и до „Данна съ собачкой“ и „Въ оврагѣ“ включительно, передъ нами непрерывно проходятъ эти антипатичныя и въ то же время достойныя сожалѣній лица съ печатью мученичества на челѣ. Иногда они не внушаютъ даже сожалѣній, потому что и сами были мучителями, и во всякомъ случаѣ вызываютъ чувство отвращенія, какъ жалкія жертвы жалкихъ общественныхъ условій: мелочи жизни ихъ совсѣмъ заѣли, высосали ихъ живую душу, опустошили в опустошенныхъ бросили на произволъ иногда очень важныхъ и серьезныхъ проблемъ, случайно вырастающихъ передъ ними нучительной загадкой. Отсюда трудныя и сложныя душевныя коллизіи, изъ которыхъ они никакъ благополучно не могутъ выйти. Съ большимъ или меньшимъ захватомъ драматичности этихъ положеній вездѣ и всегда изобличаются глубокіе слѣды, оставленные житейскою пошлостью въ душѣ средняго человѣка, будь онъ изъ среды городской мелкоты, какъ въ „Разсказахъ“, или изъ высшихъ классовъ, какъ въ произведеніяхъ позднѣйшаго періода.

Отраженіе міра въ „зеркальных“ осколкахъ не даетъ намъ представленія о настоящемъ мірѣ, а между тѣмъ мы живемъ передъ собою цѣлый міръ пошлости и рожденныхъ въ немъ члстопронныхъ представителей изъ всѣхъ слоевъ общества. Это цѣлый міръ не какихъ-либо особенныхъ людей, а обыкновенныхъ, среднихъ, „хмурыхъ людей“, „лишнихъ людей“, „скупыхъ, ненужныхъ, съ опустошенной душой и измелѣчавшимъ умомъ, несчастныхъ и жалкихъ къ своей жизни и задающихъ жизнь чужую. М. Горькій открылъ намъ особый міръ и умѣлъ внушить къ нему и сочувствіе и жалость. Чеховъ раскрылъ намъ двери въ міръ еще болѣе широкій, не въ особые закутки общества, а въ самую пѣдра его, но сочувствія нашего и живого участія къ нему онъ не всегда добивался. И это нависаетъ отъ манеры его, той „первой манеры“, которая въ „разсказахъ“ достигла очень рѣзко и, по нашему мнѣнію, осталась у него навсегда, вѣрнѣе, вѣнцуема ему на саняхъ неот-

+ н-а?
+ нег!

его отношенія къ жизни. Дѣло, конечно, не въ импрессионистической формѣ разсказа, а въ томъ, нѣсколько хладнокровно, объективно и скептически настроеніи, которое мы видимъ во всѣхъ его писаніяхъ. Какое-то нестерпимое, усиленное, вѣчное и какъ-бы взглядъ со стороны нискоду скользитъ въ его изображеніи, и какъ-бы драматично ни было описаніе его, оно не вызываетъ ни слезъ на глаза, ни глубокой скорби въ душѣ, ни тяжелаго радужнаго похвѣ испосредственнымъ впечатлѣніемъ прочитаннаго. Даже такое настроеніе, какъ оно мастерски изображено въ положеніи Гурова въ „Дамѣ съ собачкой“ и какъ оно дѣлкомъ передается читателю, остается у послѣдняго не разрѣшеннымъ: былъ-де человекъ, жилъ, какъ всѣ живутъ, настаждался, лгалъ, подличалъ и рвалъ цѣпты, гдѣ только возможно, а тутъ, вдругъ, „дана съ собачкой“, и все кончено, все перевернулось вверхъ дномъ, но что и какъ изъ этого выйдетъ, остается неизвѣстнымъ и весьма немалымъ. Отрицательное отношеніе автора къ отрицательнымъ явленіямъ не подлежитъ сомнѣнію, но изъ воспроизведенія ихъ вы не выносите ни вольнодушнаго примиренія съ ними, ни сознательнаго возмущенія противъ нихъ, точно рокъ тяготѣетъ надъ всѣмъ совершающимся въ повѣствованіи, и авторъ какъ будто и вѣсь пригнѣщаетъ созерцать со стороны, отшатнувшись парящее зло и съ презрѣніемъ пройти мимо него прочь. Говоритъ „какъ будто“, потому что на самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ такъ, и на скорую руку напомнимъ только примѣры, еще свѣжій въ памяти читателя, изъ повѣсти „Въ оврагѣ“, а именно, замѣчательную картину ночи, когда убитая горемъ Липа съ матерью сидятъ на берегу озера и ими овладѣваетъ чувство скорби. „Но казалось имъ, — прибавляетъ авторъ, — кто-то смотритъ съ высоты неба, изъ синевы, откуда, гдѣ звѣзды, видятъ все, что происходитъ въ Углейскѣ, сторожить. И какъ ни велико зло, все же ночь тиха и прекрасна, а все же въ Божьемъ мірѣ правда есть и будетъ, такая же тихая и прекрасная, все на землѣ только ждетъ, чтобы слѣдилъ съ правдой, какъ лунный свѣтъ слѣдится съ ночью“... Хотя подчеркнуты эти слова и выраженны

въ формѣ авторскаго убѣжденія и невольно хочется раздѣлить ихъ лично съ авторомъ, но все же имъ не должны забывать, что они передаютъ только настроеніе вѣрующихъ и нѣр-готерпѣливыхъ людей изъ народа. А такихъ выраженій и безъ того немало у г. Чехова и кануть они въ безднѣ холоднаго безразличія, тоскливой безнадежности и безотчетнаго скептицизма. Отсюда не такъ далеко до слѣпого фатализма, но еще не такъ близко до нескимизма. Точно также мы не видимъ родства этого явленія съ отсутствіемъ того, что называется общей идеей или богомъ живого человека“. Мы знаемъ, чѣмъ не только кончали писатели, страдавшіе этимъ отсутствіемъ, но и чѣмъ они продолжали, но той или иной причинѣ сдѣлавъ доброе начало. И ужъ во всякомъ случаѣ не на нихъ похожъ г. Чеховъ, чѣмъ 15 лѣтъ воспроизводящій жизнь въ неизмѣнно одномъ и томъ-же направленіи или съ измѣненіями, но существу неважными. А изъ примѣровъ мы знаемъ также, что одного таланта и художественнаго чутья не всегда достаточно бываетъ, чтобы не сбиться съ настоящаго литературнаго пути и твердо удержатъ въ рукахъ компасъ жизни. Поэтому намъ кажется недостаточной наличность только „зеркальных осколковъ“, чтобы въ нихъ отразилось такое обиліе почти однородныхъ и къ тону-же сложнымъ явленій чрезвычайной общественно-психологической важности. Талантъ крѣпнѣетъ, мысль зрѣетъ, особенности дарованія развиваются, но едва-ли мы вправе ожидать коренныхъ измѣненій въ настроеніи, которое заложено въ писателѣ какъ самой природой, такъ и тѣмъ, не подсказаннымъ еще учету, общественными причинами, въ числѣ которыхъ, быть можетъ, далеко не послѣднее мѣсто занимаютъ подчеркнутая г. Михайлевскимъ хронологическая дата, относящаяся къ первоначальному періоду литературной дѣятельности г. Чехова.

На умѣнны различіи наводятъ послѣдніе произведенія, безъ сомнѣнія очень даровитаго, но не перворазряднаго, хотя и владѣющаго и старымъ писателемъ, г. Маминъ-Сибирякомъ. Его „Паденіе вечера“, написаннаго въ прошломъ году изъ „Р.

Б." и только что законченная в "Р. М." повесть "Около господ" рѣшительно ведутъ насъ по наклону внизъ, куда сваливаются обыкновенно не удержавшіеся на высотѣ дарованія. И техника та-же, и бойкость пера прежняя, и даже замыселъ, какъ говорятъ, "ничего себѣ", а все-же не то: и не старое, и не прежнее, словомъ, то, да не то. Что-то мелкое, скучное, никуда и ни вадъ чѣмъ насъ не возмущающее. — таково названіе всѣхъ этихъ писанинъ. Сюжетъ "Около господ", впрочемъ, тоже не новый: природный крестьянинъ силою обстоятельствъ привязанъ къ охотникамъ — "господамъ"; сначала онъ тяготеетъ своимъ лакействомъ и вообще противнымъ крестьянству дарнобдствомъ, но въ концѣ концовъ онъ входитъ во вкусъ сладкаго куса, поворовывается, судится не разъ и, вообще, окончательно отбивается отъ праведной жизни. Все это было-бы не дурно и даже правоучительно по нынѣшнимъ временамъ, если-бы самый рассказъ не былъ очень ужъ поверхностнымъ, захватывающимъ только самые верхи душевной жизни, въ данномъ случаѣ, психологія Адама (героя рассказа), совершающаго на нашихъ глазахъ свое нужицкое грѣхопаденіе.

Не менѣе унылое впечатлѣніе производитъ рассказъ другого, столь-же почтеннаго и стараго писателя, г. Елпатьевского въ "Р. Б." ("Сибирочка" — изъ сибирскихъ рассказовъ). Его сибирскіе и не сибирскіе рассказы, не отличаясь особой красотой формы, всегда выдѣлялись проникновеніемъ ихъ авторскою задумчивостью и тою, какою-то особенно глубокой, адунчивостью, которая непохожа на обычные глубокомысленные психологическіе анализы, а вытекаетъ изъ человѣколюбиваго, сердечнаго и участливаго отношенія къ людямъ съ ихъ горестями и печалями. Пожалуй, это есть и въ настоящемъ рассказѣ, но самый сюжетъ до такой степени вычуренъ, а героизмъ его, Сибирочка, такое необычайно рѣдкостное явленіе, даже для страны чудесъ, Сибиря, что весь рассказъ какъ кажется натянутымъ и мало естественнымъ. Мы вспоминаемъ, впрочемъ, почему Евфросинія Степановна (такъ звали настоящую Сибирочку), почему она, воспитанная въ тайгѣ и глуши, должна была тяготиться скучной жизнью

маленькаго некультурнаго сибирскаго городка, куда завесла ее судьба. Но наивно, почему эта; любовь къ родной природѣ должна была выражаться въ такихъ буйныхъ, почти безумныхъ, проявленіяхъ; почему она, заслышавъ вой шкура и бумесаніе бури, вѣ себя бросается въ тайгу и носится тамъ почти до безчувствія. Такъ же мало понятно намъ, почему эта героиня, выросшая среди заѣзжей интеллигенціи тайги и воспитанная на книжкахъ, да и нинѣ въ свободное отъ "бурныхъ" похлещеній время слѣдшая за журналами и книгами, почему и какъ можетъ она вдругъ переняться въ настоящую "челюсть", съ псованіемъ и удивленіемъ угомающую мужа и его гости совершенно по-сибирски, по-таежному: "Бесѣдуйте, гости милые! Поелозьте, сударьки!" Мы не будемъ уже говорить о концѣ рассказа, который является точно отрицаніемъ изъ большой сибирской корреспондентки.

Невольно хочется кончить добрымъ словомъ окончаніе повѣсти г-жи Баранковой "Раздѣлы". Какъ ни растянута она и ни скучновата, какъ ни обмануты наши надежды, возбужденныя началомъ ея, — все-же впереди на ней развѣнута картина водичной жизни, все-же какъ открылся маленький уголокъ большой и таинственной давно унавшей и скрывшей отъ глазъ процессъ зародка міросовершенія нашего десятилѣтія; все-же мы познакомились съ горстью молодежи конца 80-хъ годовъ, а, расставаясь съ книжкою "на пороги жизни", какъ хотѣлось-бы сказать еще: "Въ добрый часъ! Посмотримъ, что вы внесете въ жизнь"...

То-же самое можно было-бы сказать и по адресу двухъ книжекъ подругъ, развитіе которыхъ изображено въ рассказѣ г-жи Ольги: "На пороги жизни". Онѣ, вѣрнее, того заслуживаютъ, но авторъ ихъ ужъ слишкомъ скучъ на краски и фигуры этихъ молодыхъ, шибкихъ ростомъ молодыхъ людей на блѣдныхъ тѣлахъ, на чаломъ открытій волустыхъ деревъ...

В. ГЕНЕР

И. Билибин